

DOI 10.18522/2500-3224-2026-1-112-128

УДК 94 (57); 340.153

ПРАВОВОЙ СТАТУС БАШКИР В ПОЛНОМ СОБРАНИИ ЗАКОНОВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ: МЕЖДУ ТРАДИЦИОННЫМ ПРАВОМ И ИМПЕРСКИМ ЗАКОНОМ¹

Почекаев Роман Юлианович

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
Санкт-Петербург, Россия
rpochekaev@hse.ru

Николаев Руслан Олегович

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
Санкт-Петербург, Россия
ronikolaev@edu.hse.ru

Аннотация. В статье анализируется политика Российской империи по отношению к башкирам в XVIII в. на основе правовых актов, входящих в Полное собрание законов Российской империи. Авторы предпринимают попытку выявить соотношение в исследуемых юридических памятниках норм имперского законодательства и традиционного права башкир, которые учитывали российские законодатели и администраторы при выстраивании отношений со своими башкирскими подданными. По мнению авторов, в XVIII в. российское законодательство для башкир имело основной целью их постепенную адаптацию в имперском политико-правовом пространстве с сохранением в значительной степени их традиционных кочевых институтов управления и правового регулирования. Вместе с тем для более активного приобщения башкир к имперским правовым ценностям российские власти применяли широкий спектр мер как стимулирующего, так и принудительного характера.

Ключевые слова: Российская империя, имперское законодательство, башкиры, традиционное право, обычаи кочевников Евразии, традиционное правосудие, правовая аккультурация.

¹ Публикация подготовлена в ходе проведения исследования Научно-учебной группы «Правовые аспекты национальной политики России: исторический опыт Российской империи и СССР» в рамках программы «Фонд академического развития НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург».

LEGAL STATUS OF BASHKIRS IN THE COMPLETE COLLECTION OF LAWS OF THE RUSSIAN EMPIRE: BETWEEN TRADITIONAL LAW AND IMPERIAL LEGISLATION¹

Pochekaev Roman Yu.

HSE University,
St. Petersburg, Russia
rpochekaev@hse.ru

Nikolaev Ruslan O.

HSE University,
St. Petersburg, Russia
ronikolaev@edu.hse.ru

Abstract. The paper is an analysis of the Russian imperial policy towards Bashkirs in the 18th century on a base of the Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Authors attempt to clarify the correlation in the studied legal monuments of regulations of the Russian imperial legislation and rules of traditional Bashkir law which were taken into account by Russian legislators and authorities during the construction of legal relations with their Bashkir subjects. Authors find that the 18th century was a period when Russian legislation for Bashkirs had an objective to adapt them into the imperial political and legal space with saving to a considerable degree of their traditional nomadic institutions of power and legal regulation. At the same time Russian authorities used wide range of measures to accustom Bashkirs to Russian legal valuables including stimulation as well as coercive actions.

Keywords: Russian Empire, imperial legislation, Bashkirs, traditional law, customs of Eurasian nomads, traditional court, legal acculturation.

Цитирование: Почекаев Р.Ю., Николаев Р.О. Правовой статус башкир в Полном собрании законов Российской империи: между традиционным правом и имперским законом // Новое прошлое / The New Past. 2026. № 1. С. 112–128. DOI 10.18522/2500-3224-2026-1-112-128 / Pochekaev R.Yu., Nikolaev R.O. Legal status of Bashkirs in the complete collection of laws of the Russian empire: between traditional law and imperial legislation, in Novoe Proshloe / The New Past. 2026. No. 1. Pp. 112–128. DOI 10.18522/2500-3224-2026-1-112-128..

© Почекаев Р.Ю., Николаев Р.О., 2026

¹ The publication was prepared as part of a research project conducted by the Research and Educational Group "Legal Aspects of Russia's National Policy: Historical Experience of the Russian Empire and the USSR" as part of the Academic Development Fund of the Higher School of Economics – St. Petersburg.

Башкиры признали подданство Московского царства еще во второй половине XVI в., однако целенаправленная деятельность российских властей по их интеграции в российское политико-правовое пространство начала формироваться не ранее XVIII в. Правовая политика России имела целью приобщения башкир к имперским политическим и правовым ценностям при сохранении в течение длительного времени их традиционных институтов власти и управления, суда, частноправовых отношений и пр. Тем не менее, с течением времени эти институты существенно трансформировались в законодательном порядке для достижения упомянутой цели. Своей задачей авторы статьи видят анализ этой эволюции традиционных башкирских институтов в законодательстве XVIII в.

Правовому положению башкир в составе Московского царства, а затем и Российской империи посвящена обширная историография. В научный оборот введены многочисленные исторические источники, в том числе и правовые памятники, отражающие российскую политику в отношении башкир, вопросы обычного права самого башкирского народа.

Так, тема башкирского вотчинного права нашла полное отражение в статьях У.С. Хамидуллина [Хамидуллин, 2022] и А.С. Хакимова [Хакимов, 2016а; 2016б]. Особенности российской политики по отношению к башкирам можно проследить в работах А.З. Асфандиярова [Асфандияров, 2005; Асфандияров, 2006], И.Г. Акманова [Акманов, 1993], А.И. Акманова [Акманов, 2007]. Также нельзя не отметить сборник, составленный Ф.Х. Гумеровым [Законы..., 1999], работы З.И. и А.З. Еникеевых [Еникеев, Еникеев, 2007] и коллективную монографию под редакцией Х.Ф. Усманова [История..., 1997], в которых среди прочих вопросов затронуты аспекты рассматриваемой нами темы.

Однако, насколько нам известно, обычное право башкир и российское имперское законодательство о башкирах, как правило, изучается разными специалистами, и проблемы их соотношения до сих пор не были предметом специального историко-правового исследования. В какой-то мере к этому предмету в свое время обращалась в специальной статье И.Р. Кунафина [Кунафина, 2010], и настоящее исследование до некоторой степени может считаться продолжением и углублением ее изысканий. Соответственно, авторы намерены выяснить, в какой степени российские власти учитывали традиционное башкирское право в рамках политики интеграции башкир в имперское политико-правовое пространство.

Как представляется, базовым источником для проведения такого анализа являются правовые памятники, включенные в Полное собрание законов Российской империи (далее — ПСЗРИ), поскольку эти материалы, расположенные в хронологическом порядке, позволяют проследить эволюцию позиции российских имперских властей по поводу интеграции башкир в имперское пространство, распространения на них общеимперских правовых норм и пр.

Отправной хронологической точкой нашего исследования является начало XVIII в., когда началось строительство империи. Мы не рассматриваем более ранний

период, поскольку именно в имперскую эпоху начинается активный процесс интеграции ее различных подданных в единое политико-правовое пространство, происходят радикальные преобразования в сферах власти и управления (включая национальные регионы России), формируется общеимперское право. Верхняя хронологическая граница — 1798 г., когда именным указом от 10 апреля оренбургскому военному губернатору О.А. Игельstromу было предписано провести значительные реформы в Башкирии, внедрив здесь кантонную систему [ПСЗРИ, 1830, т. XXV, № 18477, с. 189–197]. С этого времени, по нашему мнению, политика Российской империи в отношении башкир является предметом уже другого, самостоятельного исследования. Таким образом, хронология статьи охватывает весь XVIII в.

Наше исследование мы начинаем с анализа правового статуса традиционных башкирских институтов власти и управления и их эволюции.

До вхождения в состав Московского царства основу социально-политической организации башкир составляла родоплеменная структура. Основной социально-политической и хозяйственной единицей являлся башкирский род/племя, они в свою очередь внутри могли дробиться на более мелкие подразделения (тюба, ара) [Кузеев, 1974, с. 128]. При этом земля каждого рода была строго разграничена.

Высшим органом самоуправления, регулирующим практически все стороны жизни, было народное собрание (йыйын). На нем решались все важнейшие вопросы войны и мира, передела кочевых угодий, судебные тяжбы (о чем будет сказано более подробно ниже), а также избирались «аксакалы» (старейшины — старшины). Однако стоит сказать, что по мере усиления родоплеменной знати народное собрание теряло свое значение как органа власти [Азнабаев, 2016, с. 290–291; Булякова, 2014]. Безусловно, йыйын оставался наиболее авторитетной властной инстанцией, но, в силу его «созывного» характера, основной объем власти переходил совету старейшин. При этом башкирское самоуправление знало и институт «биев» (князей), что сосуществовали с вышеописанной степной демократией в период средневековья. Потому башкирам были знакомы и институты единоличной власти. Но наибольший удельный вес все же оставался за советом старейшин.

Обратившись к соответствующим правовым актам ПСЗРИ, мы можем увидеть, что эта традиционно-правовая специфика находит в них отражение. Так, грамота от имени Петра I, изданная 8 апреля 1720 г., была адресована «батырам и старшинам», то есть отражала традиционные институты управления Башкирии [ПСЗРИ, 1830, т. VI, № 3566, с. 180]. Точно также в сенатской инструкции графу И.Г. Головкину от 7 апреля 1720 г. предписывалось именно через «батыров и старшин всех дорог» доводить до населения региона царскую волю: прощение за прежние вины (набеги на соседние оседлые поселения, пленение жителей и пр.), обещание «царского гнева» за возможные проявления неповиновения в будущем, некоторые льготы в процессуальной сфере и т.д. [ПСЗРИ, 1830, т. VI, № 3565, с. 179]. При этом и упоминание «батыров» в данных грамотах неслучайно. Ибо совет старейшин, будучи избираемым органом власти, опирался в первую очередь на высокий авторитет «аксакалов» перед населением. В этом смысле и батыры, пользующиеся

широким уважением среди башкир, могли выступать для них ролевыми моделями, влиять на народ. Важность авторитета в народной среде как ключевого фактора воздействия на башкир позволяет говорить о схожести ролей батыров и совета старейшин, исполняемых в рамках их коммуникации с российской администрацией.

В условиях крупного башкирского восстания 1735–1739 гг. российская администрация занимала довольно противоречивую позицию. С одной стороны, именным указом казанскому губернатору А.И. Румянцеву и начальнику Оренбургской экспедиции И.К. Кирилову от 11 февраля 1736 г. предписывалось провести выборы старшин вместо прежних волостных старост, которым «быть им с переменою погодно, на которых всякое преступление и неисправу взыскивать» [ПСЗРИ, 1830, т. IX, № 6890, п. 13, с. 743]. С другой стороны, власти, по-видимому, не доверяли избранным башкирским главам местного самоуправления: уже именным указом из Кабинета ее величества от 23 мая 1736 г. предписывалось явившихся к ним старшин задержать и отправить в Уфу, «пока все бунтовщики за свое воровство будут искоренены, дабы паки с прочими бунтовщиками согласия иметь не могли и, оставя свои присяги, к воровству по-прежнему не обратились» [ПСЗРИ, 1830, т. IX, № 6972, с. 836].

Тем не менее, именно к старшинам обращается императрица Анна Иоанновна в своей грамоте от 5 января 1737 г. в связи с русско-турецкой войной 1736–1739 гг. Ссылаясь на прежний опыт, «при предках нашего императорского величества» участия башкир в российских военных походах, она поручает башкирским начальникам выбрать «на службу нашу доброхотных и вооруженных башкирцев три тысячи человек» и отправить, «куда указами нашими впредь будет повелено», для войны с турками [ПСЗРИ, 1830, т. X, № 7149, с. 8–9].

На завершающей стадии башкирского восстания власти стремились продемонстрировать свое доверие к башкирским родоплеменным предводителям. В именном указе из Кабинета ее величества от 17 марта 1738 г. руководителю Оренбургской комиссии В.Н. Татищеву было предписано передать сбор ясака с башкир от русских чиновников — целовальников и ясачников именно старшинам [ПСЗРИ, 1830, т. X, № 7542, с. 444].

В то же время упомянутое башкирское восстание дало российским властям возможность несколько изменить (вернее — дополнить) систему башкирского самоуправления. Именным указом от 20 августа 1739 г. начальнику Оренбургской комиссии князю В.А. Урусову было поручено назначить к выборным старшинам башкир дополнительных чиновников — есаулов, писарей и сотников. Примечательно, что определение круга их обязанностей отдавалось на усмотрение самого князя [ПСЗРИ, 1830, т. X, № 7876, с. 689] — несомненно, речь шла о чиновниках, которые могли бы контролировать деятельность старшин и обеспечивать ее соответствие российской политике в Уральском регионе.

Уже во второй половине XVIII в. российские власти предприняли шаги по интеграции представителей башкирского самоуправления в имперскую чиновную

иерархию. Сенатским указом от 22 ноября 1776 г. предусматривалась возможность присвоения башкирам (как и мещерякам), причем не только старшинам, но и иным лицам офицерских званий, медалей, денежных поощрений и т.д., что давало тем дополнительные возможности по занятию промышленностью и торговлей, налоговые иммунитеты и пр. [ПСЗРИ, 1830, т. XX, № 14540, п. 1–4, с. 455]. Тем самым имперская администрация начала формирование «новой» башкирской элиты, которая своим статусом, льготами и привилегиями целиком была обязана российской власти и, соответственно, готова была проводить в Башкирии политику и формировать общественное мнение в ее интересах¹.

Обращаясь к вопросу об административно-территориальном делении Башкирии, отметим, что когда вопросы правового регулирования касались «батыров и старшин», то речь шла о «дорогах и волостях». Любопытно обратить внимание на сочетание в административно-территориальном делении Башкирии рассматриваемого периода «дорог» — округов, берущих начало из золотоордынской правовой практики (во главе которых в то время стояли даруги), и «волостей» — древнерусских территориальных единиц [см. подробнее: Азнабаев, 2013].

В большинстве случаев правовые нормы российского законодательства содержали обращение или упоминания башкир и их предводителей «всех дорог и волостей». Именно такая формулировка была, в частности, в вышеупомянутой грамоте Петра I от 8 апреля 1720 г.

В период башкирского восстания 1735–1739 гг. в большинстве актов также речь шла об управленческих структурах и населении всех дорог — как, например, в Сенатском указе от 31 мая 1734 г., которым предписывалось ловить и предавать суду башкирских «воров» (то есть бунтовщиков) «всех четырех дорог» [ПСЗРИ, 1830, т. IX, № 6581, п. 21, с. 341]. Тем не менее в ряде случаев в правовых актах уточнялось, о каких именно административно-территориальных единицах идет речь. Так, в именном указе из Кабинета ее величества казанскому губернатору А.И. Румянцеву приказывалось привести к «формальному покорению» башкир именно Казанской и Ногайской дорог [ПСЗРИ, 1830, т. IX, № 6972, с. 835]. А вышеупомянутая грамота Анны Иоанновны о мобилизации 3 000 башкир для участия адресовалась старшинам и башкирам одной только Казанской дороги.

Понимая важность представительства башкирских подразделений, власти предпочитали иметь дело с представителями каждой дороги и даже волости. Так, в именном указе из Кабинета ее величества начальнику Комиссии башкирских дел² Л.Я. Соймонову от 5 мая 1739 г. в ответ на его сообщения о жалобах башкир на некоторые имперской действия администрации было предписано направить

¹ В XIX в. башкирский опыт был использован в Казахской степи [см. подробнее: История..., 2006].

² Чрезвычайный орган, существовавший в 1735–1742 гг. Был создан для принятия мер против восстания и следственных действий по делам его участников, но фактически превратился в руководящую структуру по управлению Башкирией.

челобитчиков в Петербург — желательно от каждой волости, но если не получится, то хотя бы по несколько от каждой дороги [ПСЗРИ, 1830, т. X, № 7798, с. 772].

Отдельно следует сказать о башкирских съездах представителей родов и племен, являвшихся давней традицией кочевых народов Евразии. Стремясь сосредоточить управление башкирами в руках российской администрации и наиболее лояльных имперским властям батыров и старшин, российские власти старались всячески ограничить полномочия таких съездов. Удобным поводом для таких действий стало, опять же, восстание 1735–1739 гг., поскольку ограничение традиционных властных институтов можно было оправдать особым положением в регионе.

В вышеупомянутом именном указе А.И. Румянцеву и И.К. Кирилову от 11 февраля 1736 г. было предписано запретить башкирам, «от которых воровство было», собирать более одной «мирской сходки» без разрешения городских командиров [ПСЗРИ, 1830, т. IX, № 6890, п. 13, с. 743]. Цели имперского правительства в отношении этих съездов нашли яркое отражение в именном указе из Кабинета ее величества В.Н. Татищеву от 9 июня 1737 г. Согласно этому акту, башкирам разрешалось созывать только один традиционный сбор на р. Чесноковке и то в течение одного дня. При этом, констатируя, что именно на таких мероприятиях зачинщики восстания имели возможность вербовать себе сторонников, составители указа включили в него следующий пассаж: «рассудили мы вам сообщить, чтобы вы искали потребнейших способов, не возможно ли тот их мирской сбор вовсе отставить, а советовать бы в каждой волости особливо о делах волостных». Если же совсем отменить сбор не будет представляться возможным, то следовало сделать так, чтобы при его проведении там «был один офицер с несколькими солдатами и с тамошними казаками» [ПСЗРИ, 1830, т. X, № 7278, с. 170].

Одним из основных элементов башкирской автономии являлось наличие собственного суда и правосудия.

Традиционное правосудие башкир основывалось на сложном синтезе норм обычного права и шариата. Высшей судебной инстанцией выступало уже упомянутое ранее народное собрание — йыйын, на котором разбирались наиболее серьезные споры, связанные с земельными отношениями, убийствами, увечьями и крупными кражами. В этом смысле йыйын не был регулярным источником правосудия: казус должен быть стоящим созыва народного собрания (или с точки зрения размера, масштаба ущерба, или с точки зрения сложности самого спора) [Булякова, 2014, с. 34]. Йыйын при этом выполнял функцию правосудия и в случае споров между племенами (как правило, в вопросе принадлежности земель). Рядовые споры, в свою очередь, обычно решались судом старейшин, шариатским судом, непосредственно судьями в которых являлись выбранные народом старшины и, как правило, один представитель мусульманского духовенства — мулла [Кунафина, 2010, с. 40].

Однако и самосуд имел место быть. Так, обычаи угона скота в отместку (барымта) и кровной мести (карымта) присутствовали в жизни башкир. И если последний не

был так широко распространен, то обычай барымты сохранялся еще долгое время, вплоть до Советского Союза [Валеев, 1989, с. 73].

Что касается процессуальных особенностей решения споров, то они преимущественно отражали влияние шариата, в особенности в том, что затрагивало имущественные, семейные, бракоразводные споры. Однако ключевым отличием все же было именно то, что в спорах внутри между башкиром и башкиром применение имели лишь нормы обычного права. Можно сказать, внутри башкирской общины существовала практически полная свобода в вопросах правосудия, применения той или иной нормы, наказания, запрета [Гибадатов, 2008, с. 140].

Имперские власти старались всячески подчеркивать сохранение процессуальных традиций у башкир. Так, в грамоте Петра I и инструкции графу И.Г. Головкину от 7–8 апреля 1720 г. специально отмечалось, что граф направляется туда, чтобы беспорядки среди башкир и их набеги расследовались, согласно их прошению, «мимо казанских судей» [ПСЗРИ, 1830, т. VI, № 3565, с. 179; № 3656, с. 180], то есть, следствие и суд по таким делам находились вне пределов юрисдикции администрации соседнего региона Российской империи.

Более подробно позиция имперских властей по поводу традиционного суда у башкир отражена в Инструкции И.К. Кирилову о создании Оренбургской экспедиции от 18 мая 1734 г. В частности, в ней предлагалось для разбора дел башкирских аманатов учредить в Оренбурге особый суд с участием по 2–3 представителя от российской администрации и из «лучших людей» самих башкир. При этом, однако, дополнительно было указано: «Впрочем, что касается до распорядка в суде и правосудия, о том смотреть на обычай каждого народа, как и поему в коем народе правые удовольствия получают, а виновных штрафуют, так и в помянутых судах уставить». Цель подобной практики заключалась в том, «чтоб все, кто б какой веры и народа ни был, справедливостью и судом скорым довольствовались и тем напрасные озлобления в волокитах и незнающему наших российских судебных прав народу неправые на суде вымыслы... пресечены были» [ПСЗРИ, 1830, т. IX, № 6576, п. 10–11, с. 324–325].

Несколько позже Сенатским указом от 31 мая 1734 г. была официально санкционирована деятельность третейских судов среди самих башкир — при условии, что сами тяжущиеся согласятся, чтобы их решения были окончательны. Причиной такого положения стала констатация факта «убыточности» поездок в Уфу для разбирательства дел региональной администрацией. Впрочем, процесс интеграции башкир в имперское политико-правовое пространство обусловил разграничение полномочий традиционных и имперских судебных инстанций. В результате по любым уголовным делам следствие и суд осуществляли уже российские инстанции на основе Соборного уложения 1649 г. [ПСЗРИ, 1830, т. IX, № 6581, п. 4, с. 337].

Это положение оказалось весьма актуальным в условиях восстания 1730-х гг.: несомненно, подобное «воровство» относилось к уголовным преступлениям, поэтому не приходится удивляться, что, например, Сообщением из Кабинета ее величества

от 13 августа 1737 г. захваченных бунтовщиков предписывалось разделить «под разные суды и правления» [ПСЗРИ, 1830, т. X, № 7347, п. 4, с. 243]. Соответственно, и наказания назначались в соответствии с общеимперским законодательством. В частности, согласно резолюции Кабинета ее величества на сообщение Сената от 9 мая 1740 г. виновных предписывалось бить кнутом, после чего либо отдавать в солдаты, либо отправлять в ссылку в Рогервик (совр. Палдиски в Эстонии), либо же высылать в отдаленные провинции Российской империи [ПСЗРИ, 1830, т. X, № 7243, с. 135–136; т. XI, № 8100, с. 111; см. также: ПСЗРИ, 1830, т. IX, № 6581, п. 21, с. 341; № 6740, с. 526; № 6890, п. 7, 8, с. 742–743].

Одним из элементов правового наследия Золотой Орды и Казанского ханства в Башкирии стал институт тарханства.

Тарханы представляли собой высшую привилегированную прослойку в традиционном башкирском обществе. Это была военно-служилая аристократия, получавшая свои привилегии как по праву происхождения от знатных родов, так и за личные заслуги, прежде всего военные. Тарханство жаловалось башкирским старшинам и батырам российскими монархами за лояльность и участие в военных кампаниях, что делало их опорой колониальной администрации в крае [История..., 1996, с. 198].

Правовой статус тарханов был уникален в рамках башкирской социальной структуры и закреплялся в специальных жалованных грамотах. Важнейшей привилегией было освобождение от всех видов налогов и ясака («тарханное право»). Тарханы при этом не подлежали юрисдикции общих судов и не несли повинностей, обязательных для рядовых общинников. Их земельные владения, которые могли включать не только вотчинные земли, но и пожалованные за службу, были неприкосновенны [Асфандияров, 2006, с. 53]. Фактически, тарханы обладали иммунитетными правами, сравнимыми с положением русского дворянства, однако их статус базировался на сочетании норм российского законодательства и традиционных башкирских правовых обычаев.

Социально-политическая роль тарханов к середине XVIII в. значительно возросла. Они часто занимали ключевые выборные должности старшин в волостях и дорогах, формируя новый слой региональной элиты, интегрированной в имперскую систему управления. Будучи посредниками между царской администрацией и башкирским обществом, они использовали свое влияние для контроля над территорией и населением. Однако их привилегированное положение, подкрепленное имперскими указами, нередко вызывало противоречия с обычным правом и приводило к социальному расслоению внутри башкирских общин, создавая почву для конфликтов.

Для российских властей этот институт был весьма выгоден, поскольку сохранение льгот и привилегий тарханов российскими властями обеспечивало лояльность этой категории башкирского населения империи. Поэтому, например, в Сенатском указе от 31 мая 1734 г. было предписано составить специальную Тарханную книгу и записать туда обладателей этого статуса и их наследников [ПСЗРИ, 1830, т. IX, № 6581, п. 8, с. 338], то есть гарантировалось потомственное тарханство. Именно

тарханы зачастую выступали ходатаями от башкир по разным жалобам, и их статус заставлял российские власти более внимательно изучать ситуацию и нередко удовлетворять эти прошения [см., напр.: ПСЗРИ, 1830, т. XI, № 8124, с. 134].

Однако со временем и этот институт был сочтен устаревшим и невыгодным для российских властей. В результате их льготы и привилегии стали сокращаться. Ярким примером тому служит Сенатский указ от 16 марта 1754 г., согласно которому башкиры (как и мещеряки) освобождались от уплаты ясака, но должны были покупать соль из казны по указным ценам — и тарханы не стали исключением [ПСЗРИ, 1830, т. XIV, № 10198, с. 42–44; см. также: Почекаев, 2022, с. 194–195]¹.

В какой-то мере к тарханству примыкает вопрос о льготах и привилегиях башкир как представителей иррегулярных войск Российской империи.

В данном случае само сохранение за башкирами их независимости в делах религии, судопроизводства, сохранение вотчинного землевладения и были ключевыми льготами за их воинскую службу.

В этом смысле, если мы не берем во внимание нижеописанное освобождение от уплаты ясака и прочих денежных сборов, то каких-либо других льгот, адресованных абсолютно всем башкирским военным, что выделяли бы их на фоне других солдат Российской империи, по сути, не имелось [Кузнецов, 2008, с. 119] (тогда как адресное поощрение все так же существовало — дарование тарханного статуса). Подобное положение вещей объясняется самой природой русско-башкирских отношений, их условным договорным характером: в их рамках сама военная служба представляется как обязанность, которую на себя берут башкиры в обмен на уже вышеописанные коллективные (адресованные всему народу) привилегии в части вотчинного права, судопроизводства и т.п. [Нурисламов, 2024, с. 9].

Согласно Инструкции И.К. Кирилову, башкирам предписывалось служить на своих конях и со своим оружием. Жалование же должно было выплачиваться только «ежели кто из неприятелей кого убьют и голову принесет или живого взял в полон приведет» [ПСЗРИ, 1830, т. IX, № 6576, п. 12, с. 325]. Сенатский указ от 3 июня 1760 г., впрочем, предусмотрел обеспечение жалованием, провиантом и фуражом тех башкир, которые отправляются на дальние форпосты, а не несут службу в пределах своего региона [ПСЗРИ, 1830, т. XV, № 11076, с. 484]. Однако при Павле I это положение было «модернизировано»: отныне провиант и фураж для башкир (как и мещеряков) в таких походах заменялись денежной выплатой в размере 1 руб. в месяц [ПСЗРИ, 1830, т. XXIV, № 17742, с. 286–287]. Тем самым башкиры, вроде бы не лишаясь своих привилегий, все более сближались с другими сословиями Российской империи.

¹ Любопытно, что ранее башкирам разрешалось добывать для себя (не для продажи третьим лицам) Илецкую соль бесплатно. Причем осуществлялось это на основании «ерлыков с печатями» (еще один элемент золотоордынского правового наследия, хотя, конечно, имевший мало общего с оригинальными ханскими ярлыками), в которых указывалось, в какую волость и с каким количеством соли они едут [ПСЗРИ, т. IX, № 6581, п. 3, с. 336].

Особый статус башкир как своеобразного «служилого» сословия гарантировал им освобождение от уплаты налогов и сборов. Как следствие, они в течение длительного времени были освобождены от переписей населения, регулярно проводившихся в Российской империи. Еще в специальном «Плакате» за подписью Петра I от 6 июня 1724 г. было предписано не включать башкир в перепись для раскладки на полки (наряду с астраханскими и уфимскими татарами, а также сибирскими ясачными) [ПСЗРИ, 1830, т. VII, № 4533, с. 318].

Неудивительно, что попытки проведения переписей в дальнейшем вызывали жалобы башкир — например, Л.Я. Соймонов в свое время сообщал, что они перепись «за великую себе противность почитают» [ПСЗРИ, 1830, т. X, № 7798, с. 772]. В результате в Именном указе из Кабинета ее величества от 20 декабря 1739 г. тому же Соймонову предписывалось проводить перепись среди башкир, но только в тех местах, где они сами пожелают [ПСЗРИ, 1830, т. X, № 7977, с. 982]. Впрочем, допущение наличия такого желания у башкир, как представляется, может свидетельствовать о том, что какая-то их часть могла уже воспринять систему имперских правовых ценностей и видеть в переписи не только минусы, но и плюсы. Тем не менее, даже и при императрице Елизавете Петровне в целом власти воздерживались от проведения переписи башкирского населения, о чем свидетельствует, в частности, Инструкция по генеральной ревизии от 16 декабря 1743 г. [ПСЗРИ, 1830, т. XI, № 8836, с. 965].

Впрочем, российские власти старались стимулировать заинтересованность башкир в деятельности, выходящей за рамки их обязательств, благодаря которым они обладали своими льготами и привилегиями. Так, согласно именному указу от 3 июня 1711 г., башкиры должны были нести охранные функции при строительстве нового города в Сибирской губернии, но если они сами желали принять участие в строительных работах (естественно, за вознаграждение), то им это не возбранялось [ПСЗРИ, 1830, т. V, № 2818, с. 112]. Аналогичным образом, дополнительное вознаграждение гарантировалось тем башкирам, которые осуществляли бы содействие представителям Берг-коллегии в поиске руд: «им за то против печатной привилегии платить... без задержания» [ПСЗРИ, 1830, т. VI, № 3679, с. 265]. Логическое завершение этот процесс нашел в Сенатском указе от 11 декабря 1789 г., позволявшем башкирам вступать в податные состояния по собственному желанию [ПСЗРИ, 1830, т. XXIII, № 16824, с. 100], получая возможность отказаться от своих привилегий (а заодно и воинской обязанности) и заняться другим родом деятельности.

Одним из наиболее известных элементов правового статуса башкир являются так называемые «башкирские вотчины».

Говоря о сущности института башкирского вотчинного права, его можно назвать определенной формой организации и регламентации правового статуса башкирской земли. Ее основа — верховная коллективная собственность рода на землю. Земля (воды, леса, пастбища) осознавалась не как частное владение, а как неотъемлемая собственность всей родоплеменной группы (племени, рода, тьюбы),

полученная от предков по праву наследования и закрепленная жалованными грамотами после вхождения Башкирии в состав России [Акманов, 2023, с. 9].

Сущность этого права проявлялась в принципах его реализации. Во-первых, распоряжение землей осуществлялось исключительно коллективно, через институт народного собрания. Любой вопрос, связанный с изменением границ, передачей угодий во временное пользование или разрешением конфликтов, решался всеми полноправными членами общины. Это исключало произвольную волю отдельного лица и гарантировало соблюдение интересов рода [Азнабаев, 2016, с. 248].

Во-вторых, важнейшими характеристиками были неотчуждаемость и закрытый характер вотчинной земли. Нормы обычного права и царские грамоты строго запрещали продажу земли чужакам, включая не только представителей иных народов, но и членов других башкирских родов. Земля могла сдаваться в аренду или оброчное владение (например, припуск), но ее окончательное отчуждение было невозможным [Хамидуллин, 2021, с. 19]. Это обеспечивало экономическую основу существования рода как целостного социального организма и являлось фундаментом его военно-служилого статуса, так как служба царю неслась именно «с земли».

Неприкосновенность башкирских земель в рассматриваемый период уже не была столь незыблемой, как прежде. Например, уже к концу 1728 г. графы Строгановы, чьи владения граничили с башкирскими, различными способами захватили часть земель башкир и сами констатировали, что их владения врезаются «едва не внутрь Башкирской Орды». При этом в ответ на негативную реакцию башкир (порой принимавшую и форму открытого вооруженного противостояния) Строгановы не только не пытались решить дело миром, но и требовали от центральных властей оружия и боеприпасов для защиты своих новых земельных приобретений [ПСЗРИ, 1830, т. VIII, № 5248, с. 17–19]. Впрочем, поначалу такие случаи были, скорее, исключениями. В 1730-х гг., согласно сенатским указам, российские власти осуществляли межевание башкирских земель в соответствии с грамотами и «по старому владению», причем — по желанию самих же башкир [ПСЗРИ, 1830, т. IX, № 6581, п. 7, с. 337; № 6721, п. 1, с. 508].

Однако со временем башкирские земли официально перестают быть изъятыми из оборота. Так, после восстания 1735–1739 гг. мещеракам было разрешено отчуждать земли башкир, чье «воровство» было установлено [ПСЗРИ, 1830, т. IX, № 6890, п. 1, с. 742]. Затем именным указом из Кабинета ее величества казанскому губернатору А.И. Румянцеву от 23 мая 1736 г. было прямо разрешено осуществлять сделки купли-продажи башкирских земель, причем в самом же документе констатировалось, что ранее это было запрещено, «однако ж ныне усмотрено, что то запрещение им, башкирцам, весьма бесполезно», и теперь дворяне, офицеры и мещераки имели право покупать эти земли [ПСЗРИ, 1830, т. IX, № 6890, п. 16, с. 744]. Некоторые вотчинные владения были взяты под строительство крепостей, что повлекло новое межевание владений с изменившимися границами [ПСЗРИ, 1830, т. IX, № 8124, с. 134]. Наконец, в конце XVIII в. круг покупателей башкирских вотчин был расширен благодаря Сенатскому указу от 13 августа 1790 г., согласно которому земли

могли покупать также муфтии [ПСЗРИ, 1830, т. XXIII, № 16897, с. 164–165]. В данном случае интересен тот факт, что покупатель не относился ни к одной из вышеперечисленных категорий прежних покупателей, тем самым было создан прецедент, по которому можно было находить обоснования для покупок башкирских земель представителям самых разных сословий.

В заключение кратко упомянем еще некоторые традиции башкир, нашедшие отражение в правовых актах из Полного собрания законов Российской империи. В частности, российские власти восприняли древний институт заложников-аманатов, которые фигурируют в ряде документов [ПСЗРИ, 1830, т. VIII, № 5334, с. 112; № 6576, п. 10, с. 324]. Также как своего рода данность воспринимались башкирские набеги на соседние оседлые регионы — причем в союзе с каракалпаками или калмыками. Естественно, подобные действия трактовались российскими властями как нарушение порядка и должны были вызывать негативные последствия для башкир, однако ценность последних в качестве иррегулярных войск, видимо, перевешивала их прегрешения. Поэтому, например, в Грамоте Петра I 1720 г. башкирам прощались их прежние преступления, хотя в случае повторения «им сказать, что они наведут на себя царского величества высокому гневу» [ПСЗРИ, 1830, т. VI, № 3565, с. 179]. Еще больше сложностей для имперских властей такие набеги стали вызывать, когда в российское подданство вошли казахи: в случае набегов башкирам предписывалось возвращать награбленное, а дальнейшие такие действия запрещались под угрозой сурового наказания [ПСЗРИ, 1830, т. X, № 7782, с. 749]. Впрочем, как известно из других источников, подобные набеги продолжались и в дальнейшем, поскольку российским региональным администрациям было весьма затруднительно контролировать взаимоотношения своих кочевых подданных.

Подводя итоги нашего исследования, можно сделать вывод, что на протяжении всего XVIII в. российские власти проводили целенаправленную политику последовательной интеграции башкир в имперское политико-правовое пространство. При этом на протяжении всего исследуемого периода можно отметить, что имперские законодатели и администраторы уделяли значительное внимание традиционному башкирскому праву, старались учитывать его принципы и нормы в собственной законотворческой и правоприменительной деятельности. Однако, поскольку целью российской политики являлась именно интеграция башкир в имперское пространство, привитие им общероссийских правовых ценностей, то есть правовая аккумуляция, то обычно-правовые институты, принципы и нормы постепенно трансформировались в соответствии с текущими задачами имперской администрации. В ряде же случаев обычно-правовые категории могли либо весьма существенно изменяться, либо просто упраздняться — в частности, в таких экстраординарных ситуациях, как башкирские восстания в первой половине — середине XVIII в.

Российские власти использовали различные средства и инструменты для обеспечения интеграции башкир в имперское пространство. В одних случаях это было позитивное стимулирование — пожалование чинов, наград, денежных выплат и пр.

В других случаях применялись и репрессивные меры, целью которых было пресечение восстаний и иных акций неповиновения в будущем.

В целом правовая политика Российской империи в отношении башкир в XVIII в. представляется достаточно последовательной. Власти находили возможность в ряде случаев подчеркивать признание и санкционирование институтов и норм традиционного башкирского права, способность идти на компромисс и удовлетворять ходатайства своих башкирских подданных. В других же ситуациях они не менее эффективно использовали чрезвычайные обстоятельства (в первую очередь — вышеупомянутые восстания) как повод для более радикальных преобразований, в рамках которых отказ от тех или иных норм традиционного права и замена их имперскими правовыми положениями выглядели, с одной стороны, как наказание за мятежные действия («воровство»), с другой же — как демонстрация того, что отношения с башкирами в этой сфере строились как с другими такими же подданными Российской империи. При этом нельзя не заметить, что политика российских властей в Башкирии во многом обусловила сближение местного населения в отношении прав и обязанностей с другими сословиями (такими как служилые татары и мещеряки), что, в общем-то, наверное, и следует считать одним из первых шагов на пути формирования единой совокупности подданных российских монархов.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Азнабаев Б.А. Башкирское общество в XVII — первой трети XVIII в. Уфа: РИЦ Башкирского государственного ун-та, 2016. 370 с.

Азнабаев Б.А. К вопросу о возникновении дорог Уфимского уезда как податных округов (XVII век) // *Вестник Челябинского государственного университета*. 2013. № 30 (321). История. Вып. 57. С. 24–30.

Акманов А.И. Земельные отношения в Башкортостане и башкирское землевладение во второй половине XVI — начале XX вв. Уфа: Китап, 2007. 360 с.

Акманов А.И. Некоторые аспекты купли-продажи, аренды башкирских земель (XVII — первая половина XIX в.) // *Проблемы востоковедения*. 2023. № 4. С. 8–16.

Акманов И.Г. Башкирские восстания XVII — начала XVIII вв. Уфа: Китап, 1993. 224 с.

Асфандияров А.З. Башкирские тарханы. Уфа: Китап, 2006. 160 с.

Асфандияров А.З. Кантонное управление в Башкирии (1798–1865 гг.). Уфа: Китап, 2005. 256 с.

Булякова Г.В. Йыйын — форма демократии у башкир // *Вестник Челябинского государственного университета*. 2014. № 22 (351). С. 34–37.

Валеев Д.Ж. Нравственная культура башкирского народа: прошлое и настоящее. Уфа: Башкирское книжное изд-во, 1989. 225 с.

Гибадатов У.И. Шариатский суд в дореволюционной России (по материалам Южного Урала) // *Вестник Челябинского государственного университета*. 2008. № 22. С. 139–142.

Еникеев З. И., Еникеев А. З. История государства и права Башкортостана. Уфа: Китап, 2007. 432 с.

Законы Российской империи о башкирах, мишарях, тептярях и бобылях. Сост. Ф.Х. Гумеров. Уфа: Китап, 1999. 568 с.

История Башкортостана с древнейших времен до 60-х годов XIX века. Отв. ред. Х.Ф. Усманов. Уфа: Китап, 1997. 520 с.

История Казахстана в русских источниках. Т. VIII. О почетнейших и влиятельнейших ордынцах. Науч. ред. И.В. Ерофеева. Ч. 1–2. Алматы: Дайк-Пресс, 2006. 716 + 962 с.

Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа. Этнический состав, история расселения. М.: Наука, 1974. 576 с.

Кузнецов В.А. Военная служба башкир и мещеряков до введения кантонной системы управления // *Вестник Челябинского государственного университета*. 2008. № 24. С. 117–123.

Кунафина И.Р. Законы Российского государства и нормы обычного права башкир (середина XVI–XIX вв.) // *Актуальные проблемы российского права*. 2010. № 1. С. 32–43.

Нурисламов А.С. Об интеграции Башкирского края в состав России // *Право и государственность*. 2024. № 2 (3). С. 8–13.

Полное собрание законов Российской империи. Т. I–XLVII. СПб.: Типография II отделения собственной Е.И.В. канцелярии, 1830.

Почекаев Р.Ю. Чингизово право: правовое наследие Монгольской империи в тюрко-татарских ханствах и государствах Центральной Азии. Казань: Татарское книжное изд-во, 2022. 367 с.

Хакимов А.С. Законодательство о земельных отношениях башкир в XVIII–XIX веке // *NovalInfo*. 2016а. № 106. С. 35–37.

Хакимов А.С. Состояние вотчинного права башкир с 30-х годов XVIII века // *NovalInfo*. 2016б. № 106. С. 32–34.

Хамидуллин У.С. Вотчинное право башкир конца XVI века – 30-х годов XVIII века: развитие института, специфика правового регулирования. // *Genesis: исторические исследования*. 2022. № 4 (32). С. 33–45.

Хамидуллин У.С. К вопросу об историческом генезисе вотчинного права башкир // *Advances in law studies*. 2021. № 4 (9). С. 16–20.

REFERENCES

Aznabaev B.A. *Bashkirskoe obshchestvo v XVII – pervoy trety XVIII v.* [Baskir society in 17th – 1st third of 18th c.]. Ufa: RITS Bashkirskogo gosudarstvennogo un-ta, 2016. 370 p. (in Russian).

Aznabaev B.A. K voprosu o vzniknovenii dorog Ufimskogo uezda kak podatnykh okrugov (XVII vek) [On the rise of dorogis of the Ufa district as tax circuits (17th century)],

in *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2013. No. 30 (321). History. Iss. 57. Pp. 24–30 (in Russian).

Akmanov A.I. *Zemel'nye otnosheniya v Bashkortostane i bashkirskoe zemlevladienie vo vtoroy polovine XVI – nachale XX vv.* [Land relations in Bashkortostan and Bashkir landownership in the 2nd half of 16th – beginning of 20th cc.]. Ufa: Kitap, 2007. 360 p. (in Russian).

Akmanov A.I. Nekotorye aspekty kupli-prodazhi, arendy bashkirskikh zemel' (XVII – pervaya polovina XIX v.) [Some aspects of purchase and sale, lease of Bashkir lands (17th – 1st half of 19th c.)], in *Problemy vostokovedeniya*. 2023. No. 4. Pp. 8–16 (in Russian).

Akmanov I.G. *Bashkirskie vosstaniya XVII – nachala XVIII vv.* [Bashkir uprisings of 17th – beginning of 18th c.]. Ufa: Kitap, 1993. 224 p. (in Russian).

Asfandiyarov A.Z. *Bashkirskie tarkhany* [Bashkir tarkhans]. Ufa: Kitap, 2006. 160 p. (in Russian).

Asfandiyarov A.Z. *Kantonnoe upravlenie v Bashkirii (1798–1865 gg.)* [Canton administration in Bashkiria (1798–1865)]. Ufa: Kitap, 2005. 256 p. (in Russian).

Bulyakova G.V. Yiyyin – forma demokratii u bashkir [Yiyyin as a form of democracy among Bashkirs], in *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2014. No. 22 (351). Pp. 34–37 (in Russian).

Valeev D.Zh. *Nravstvennaya kul'tura bashkirskogo naroda: proshloe i nastoyashchee* [Moral culture of Bashkir people: past and present]. Ufa: Bashkirskoye knizhnoye izd-vo, 1989. 225 p. (in Russian).

Gibatov U.I. Shariatskiy sud v dorevolyutsionnoy Rossii (po materialam Yuzhnogo Urala) [Shariat court in the pre-revolutionary Russia (based on materials of Southern Urals)], in *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2008. No. 22. Pp. 139–142 (in Russian).

Enikeev Z. I., Enikeev A. Z. *Istoriya gosudarstva i prava Bashkortostana* [History of State and Law of Bashkortostan], Ufa: Kitap, 2007. 432 p. (in Russian).

Zakony Rossiyskoy imperii o bashkirakh, misharyakh, teptyaryakh i bobylyakh [Laws of the Russian Empire on Bashkirs, Misharis, Teptyaris and Bobylis]. Ed. by F.Kh. Gumerov. Ufa: Kitap, 1999. 568 p. (in Russian).

Istoriya Bashkortostana s drevneyshikh vremen do 60-kh godov XIX veka [History of Bashkortostan since the earliest times to the 60s of the 19th century]. Ed. by Kh.F. Usmanov. Ufa: Kitap, 1997. 520 p. (in Russian).

Istoriya Kazakhstana v russkikh istochnikakh. T. VIII. O pochetneyshikh i vliyatel'neyshikh ordyntsakh. Ch. 1–2 [History of Kazakhstan in the Russian sources. Vol. 8. On honorable and influential inhabitants of hordes. Pt. 1–2]. Ed. by I.V. Erofeeva. Almaty: Dayk-Press, 2006. 716 + 962 p. (in Russian).

Kuzeev R.G. *Proiskhozhdenie bashkirskogo naroda. Etnicheskiy sostav, istoriya rasseleniya* [Origins of the Bashkir people. Ethnic structure, history of settling]. Moscow: Nauka, 1974. 576 p. (in Russian).

Kuznetsov V.A. Voennaya sluzhba bashkir i meshcheryakov do vvedeniya kantonnoy sistemy upravleniya [Military service of Bashkirs and Mescheryaks before the introduction of the canton administrative system], in *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2008. No. 24. Pp. 117–123 (in Russian).

Kunafina I.R. Zakony Rossiyskogo gosudarstva i normy obychnogo prava bashkir (seredina XVI–XIX vv.) [Laws of the Russian state and norms of the customary law of bashkirs (middle of 16th – 19th cc.), in *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava*. 2010. No. 1. Pp. 32–43 (in Russian).

Nurislamov A.S. Ob integratsii Bashkirsikogo kraya v sostav Rossii [On the integration of Bashkir Region into the Russia], in *Pravo i gosudarstvennost'*. 2024. No. 2 (3). Pp. 8–13 (in Russian).

Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. T. I–XLVII [Complete collection of laws of the Russian Empire. Vol. 1–47]. St. Petersburg: Tipografiya II otdeleniya sobstvennoy E.I.V. kantselyarii, 1830 (in Russian).

Pochekaev R.Yu. *Chingizovo pravo: pravovoe nasledie Mongol'skoy imperii v tyurko-tatarskikh khanstvakh i gosudarstvakh Tsentral'noy Azii* [Chinggis' law: legal heritage of the Mongol Empire in Turkic-Tatar khanates and states of the Central Asia]. Kazan': Tatarskoye knizhnoye izd-vo, 2022. 367 p. (in Russian).

Khakimov A.S. Zakonodatel'stvo o zemel'nykh otnosheniyakh bashkir v XVIII–XIX veke [Legislation on the land relations of Bashkirs in 18th–19th century], in *NovalInfo*. 2016a. No. 106. Pp. 35–37 (in Russian).

Khakimov A.S. Sostoyanie votchinnogo prava bashkir s 30-kh godov XVIII veka [State of the patrimonial estate law of bashkirs in 30s of the 18th century], in *NovalInfo*. 2016b. No. 106. Pp. 32–34 (in Russian).

Khamidullin U.S. Votchinnoe pravo bashkir kontsa XVI veka – 30-kh godov XVIII veka: razvitie instituta, spetsifika pravovogo regulirovaniya [Patrimonial estate law of Bashkirs of the end of 16th – 30s of 18th century: development of the institution, specific features of legal regulation], in *Genesis: istoricheskie issledovaniya*. 2022. No. 4 (32). Pp. 33–45 (in Russian).

Khamidullin U.S. K voprosu ob istoricheskom genezise votchinnogo prava bashkir [On the historical genesis of the Bashkir patrimonial estate law], in *Advances in law studies*. 2021. No. 4 (9). Pp. 16–20 (in Russian).

Статья принята к публикации 11.02.2026